

мы знакомы со многими зарубежными мастерами культуры. Есть среди них «звезды», которые светят ровно, долго, вечно. Есть «звездочки», вспыхивающие ярко, но на короткое время. Однако и те, и другие таят в себе магию творчества, секреты которого зачастую неизвестны зрителю или читателю. Как создаются картины, пишутся романы, рождаются песни? Как человек становится художником, о котором узнают все? Как он ос-

тается при этом самим собой? Что у него на душе и в сердце?
В НОВОЙ РУБРИКЕ «О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ» МЫ ПОПЫТАЕМСЯ ОТВЕТИТЬ НА ЭТИ ВОПРОСЫ. И ДУМАЕМ, ЧТО САМОЕ ЛУЧШЕЕ ДЛЯ ЭТОГО — ПРЕДОСТАВИТЬ СЛОВО САМИМ ХУДОЖНИКАМ. ЧТОБЫ В ДОВЕРИТЕЛЬНОМ РАЗГОВОРЕ ВЫ СМОГЛИ ЛУЧШЕ ПОНЯТЬ ТОГО ИЛИ ИНОГО, ХОРОШО ИЗВЕСТНОГО ВО ВСЕМ МИРЕ АВТОРА, МАСТЕРА СВОЕГО ДЕЛА. ЧТОБЫ МОГЛИ СООТНЕСТИ ЕГО ТВОРЧЕСТВО С ЕГО ПОЛИТИЧЕСКИМИ ВЗГЛЯДАМИ, ПОСТУПКАМИ, ОБРА-

ЗОМ МЫШЛЕНИЯ. ЧТОБЫ МОГЛИ СОГЛАСИТЬСЯ ИЛИ ПОСПОРИТЬ С ЕГО ТОЧКОЙ ЗРЕНИЯ НА САМЫЕ РАЗНЫЕ ПРОБЛЕМЫ, КОТОРЫЕ БЕЗ КОНЦА ВЫДВИГАЕТ ПЕРЕД НАМИ ЖИЗНЬ.

РУБРИКУ «О ВРЕМЕНИ, О ЖИЗНИ, О СЕБЕ» ОТКРЫВАЕТ АРГЕНТИНСКИЙ ПИСАТЕЛЬ ХУЛИО КОРТАСАР. ВПЕРЕДИ ВАС ЖДУТ НОВЫЕ ВСТРЕЧИ. И МЫ БУДЕМ БЛАГОДАРНЫ ВАМ, НАШИ ЧИТАТЕЛИ, ЕСЛИ ВЫ НАЗОВЕТЕ ИМЕНА ТЕХ ЗАРУБЕЖНЫХ ХУДОЖНИКОВ, С КОТОРЫМИ ВЫ ХОТЕЛИ БЫ ВСТРЕТИТЬСЯ НА СЕДЬМОЙ СТРАНИЦЕ «СОВЕТСКОЙ КУЛЬТУРЫ».

Хулио КОРТАСАР: «БОРЬБА ЗА СВОБОДУ РОЖДАЕТ ПИСАТЕЛЯ»

Ровно в десять утра, после заседания жюри «Дома Америк», он стоял у выхода из отеля «Ривьера». Я пошутил насчет «пунктуальности» латиноамериканцев. Кортасар с улыбкой ответил, что, во-первых, давно живет в Европе, а во-вторых, интервью всегда считал работой, а на работу не опаздывают.

Мы пересекли набережную и сели на широкий каменный парапет Малекона. С Мексиканского залива поднимался синий солнечный дым. В теплых лучах от ночного дождя на тротуаре плескались голуби.

— Просыпаться в Гаване мне как-то легко, радостно, — сказал Кортасар, распечатывая пачку сигарет. — Здесь для меня много родного. Больше, чем в Париже, несмотря на то, что тридцать лет живу там. Природа, архитектура, улыбки прохожих... Куба — словно моя маленькая родина.

— Что заставило вас уехать из Аргентины в 1951 году?

— Я эмигрировал по своей воле. Многие из моих сверстников повернулись тогда спиной к Аргентине. Мы были снобами и поняли это гораздо позже... Мы находились в полной зависимости от английских, американских, французских писателей. Кроме того, Франция влекла меня с самого детства своей историей, обаянием, самобытностью талантов. Бодлер, Рембо, Валери, Матисс, Роден... Меня не покидало чувство, что поэзия живет в Париже, а до нашего континента долетают лишь ее отголоски. Некоторые критики писали, что, уехав из Аргентины, я потерял не только родину, но и талант. Я же просиживал целыми днями в парижских библиотеках, изучая философию, историю, отыскивал в себе новый, европейский мир — не верил, что вне родины творчество мое умрет.

Писать в родном городе безусловно легче, но это не значит, что написанное там будет лучше написанного в чужом городе, в чужой стране. Писатель, как улитка, всюду носит за собой свой дом. Сразу огорюсь. У нас, латиноамериканцев, положение особое. Язык наш, фактически, один из самых распространенных в мире. Он служит связующим звеном латиноамериканских стран, объединяет, говоря словами Хосе Марти, «общим происхождением, общей опасностью и общими надеждами». Для нас не существует столь глубокого и определенного понятия родины, как, например, для вас, русских. В наших венах течет и африканская, и азиатская, и европейская, и американская кровь. Скажу больше — одна из причин так называемого латиноамериканского литературного «бума», по-моему, и заключается в том, что многие из нас, кто по своей воле, кто против нее, покинули родину. Из-

далека порой лучше видно. И все-таки мне все больше и больше недостает родины.

— Когда вы начали писать?

— В буквальном смысле писать я научился рано. Кажется, мне не было и четырех лет. И очень скоро начал сочинять стихи. Грустные... Я не сохранил ни одного светлого воспоминания о своем детстве. Своеволие взрослых, астма, частые приступы тоски, обостренная чувствительность, несчастная любовь... Сравнительно недавно я нашел свою детскую тетрадку. Образы, интонации, даже рифмы в тех стихотворениях были изумительными. Особенно в сонетах о любви. Потом я уже не мог так писать.

— Я знаю, что вы и сейчас продолжаете писать стихи. Но в мире Хулио Кортасар известен как один из крупнейших прозаиков...

— Большое спасибо. С прозой вначале было тяжело. До тридцати лет я так и не решился опубликоваться. Многие мои друзья торопились увидеть свое имя на обложке и, не найдя издателя, выпускали книги за свой счет. А я написал огромный — сентиментально-максималистский роман в шестьсот страниц и сжег его. Сейчас, правда, очень жалею. Написал две-три книги рассказов, но и они не удовлетворили меня. Не было «мускулатуры» в композиции, не было моего, присущего только мне ритма. Я начинал писать рассказ и почти физически чувствовал, что задыхаюсь. Как неопытный бегун на дистанции. Точный ритм необходим прозе так же, как и поэзии. Его вырабатывают годами. Мне в этом помогли, во-первых, огромная практика, а во-вторых, переводы. Я и сейчас сотрудничаю в ЮНЕСКО в качестве переводчика.

— Кроме французского, вы владеете какими-нибудь языками?

— Английским и итальянским.

— Думается, вашу прозу не легко переводить. Взять хотя бы рассказ «Другое небо», его необычный стиль, пластичность завершающие, как бы затягивающие читателя все глубже и глубже фразы, абзацы...

— Да, когда мне приходится выверять перевод какого-нибудь из моих рассказов, я чувствую, насколько его смысл зависит от ритма, внутренней пульсации, напряжения... Я — несостоявшийся музыкант. Учился и совершенно безобразно играю на саксофоне. Но слушать музыку для меня — высшее счастье. Литературе недоступны такой свободный, раскрепощенный полет фантазии, бесконечность, без которых невозможна талантливая музыка вообще. В одном из интервью журналу «Монд» Сартр говорил, что музыка не способна передавать осмысленную информацию, но способна делать то, что недо-

ступно ни речи, ни письму. Имеется в виду передача чувств в чистом виде. Музыка живет во мне с рождения. Она ищет выход и вливается в мое творчество, главным образом, через ритм. Я как бы перекладываю на музыку мой испанский язык: всегда стараюсь строить рассказы по законам музыкальных произведений — строгая взаимосвязь звуков, их непрерывность, стремительное развитие, кульминация! — и обрыв. В молодости я писал, уделяя главное внимание не смыслу фразы, а ее звучанию. Маленькие, на страничку, рассказы переписывал десятки раз, добиваясь этого непрерывного развития и нагнетания... Это ставит чаще всего непреодолимые до конца преграды при переводе. Вообще, художественную литературу переводить трудно. Потери неизбежны.

— Что вы думаете о переводах русской и советской литературы, как относитесь к нашим писателям?

— Я не знаю вашего великого языка и потому фактически не знаю вашу литературу. Я читал Пушкина, Толстого... Переводы были слабые. Может быть, читающим по-испански лишь с Достоевским повезло. Гениальный писатель. Наиболее мне близок, пожалуй, Михаил Булгаков. «Мастера и Маргарита» считаю одним из крупнейших романов века. Но, повторяю, русской литературы я в общем-то не знаю.

...Крепко держась за руку своей мамы, красивой высокой негритянки в ярко-красной майке, ходил по парапету набережной чернокожий мальчонка. Он стаскивал с парапета камушки и громко хлопал в ладоши, когда они, отпрыгнув от больших бугристых валунов, лежащих внизу, падали в воду.

— Безумно люблю детей, — в голосе Кортасара почему-то послышались грустные нотки. — Женщины иногда меня самого называют большим ребенком, говорят, что боятся во мне этого ребенка. Ребенок... ростом почти в два метра, седьмой десяток... И критика в моих рассказах находит много детского. Правда, они меня в этом не упрекают.

— И еще очень люблю животных, — сказал он. — Особенно кошек, все их семейство. За что? За неожиданность. Никогда не знаешь, чего ждать от них в следующую минуту. А неожиданность — великая вещь. И искусство, и литература без нее невозможны.

— Некоторые критики называют вас, так же, как Габриэля Гарсиа Маркеса, Марио Варгаса Лосю, Михеля Анхеля Астуриаса и других известных латиноамериканских писателей, чуть ли не вождями современного модернизма. Что вы думаете об этом?

— Модернизм начинается тогда, когда между содержа-

Аргентинец Хулио Кортасар — из числа тех писателей, которые давно и определенно решили для себя, что «литература — это оружие в борьбе за свободу и справедливость». Словом и делом отстаивает он те идеалы, за которые сражались против диктатуры Сомосы бойцы-сандинисты, ведут бой с сатрапами Пиночета чилийские патриоты, возводят баррикады на площадях и улицах своей страны повстанцы Сальвадора.

Опубликованные у нас роман Кортасара «Выигрыши», рассказы «Преследователь», «Южное шоссе», «Рукопись, найденная в кармане», «Другое небо» и прочие нашли широкий отклик среди читателей. Как рождались эти и другие произведения, над чем сейчас работает всемирно известный писатель, рассказывает он сам в интервью, которое мы предлагаем вашему вниманию.

нием и формой возникает разрыв или когда они движутся в противоположных направлениях. В романах Гарсиа Маркеса, например, такого разрыва нет. И композиция, и ритм, и язык его строго и точно оправданы «золотым запасом» мыслей и чувств. А символический язык нашей литературы, юмор, образность, элементы фантастики восходят к американскому, индейскому фольклору. Мы как бы черпаем из этих сокровищниц, почти не затрагиваясь до того, что лежит в веках, нас разделяющих.

— Сюжеты вы берете из жизни или придумываете?

— Чаще всего я отталкиваюсь от какого-то сильного, необычного, на мой взгляд, образа, момента, пережитого мною и отпечатавшегося в сознании. Ту автомобильную пробку, которую я описываю в «Южном шоссе», мне самому пришлось пережить на автобусах в предместьях Парижа. Главным для меня была не сама пробка, а какой-то момент ожидания, когда я болезненно ощутил замкнутость пространства, фатальность, предопределенность пересечений человеческих судеб. «Рукопись» я начал писать после того, как в определенном душевном и психическом состоянии встретился глазами с незнакомой женщиной, сидевшей напротив меня в вагоне метро.

— Несколько лет назад в одном из своих выступлений вы говорили, что в последнее время растет число читателей, которые ищут в книге не только развлечения или забвения. Не могли бы вы развить эту мысль о действительности литературы в наши дни? Способна ли она, по-вашему, изменить человека и мир?

— Сегодня никто уже не верит Шелли, который говорил, что поэт — это первый законодатель. Это с одной стороны. С другой — писатель в Латинской Америке, достигший определенной популярности и известный своими демократическими

убеждениями, живет, осядаемый письмами, которые исполнены неприкрытой боли. Это умножает ярость диктаторских режимов и к читателю, и к писателю. Когда хунта Пиночета сжигала тысячи книг на улицах Сантьяго, она сжигала не просто бумагу, не просто романы или стихи. Она как бы сжигала читателей этих книг, и тех, кто их написал.

Насильственно отчужденные от самих себя, народы Чили, Уругвая, Парагвая и некоторых других стран нашего континента живут с кляпом во рту, находятся в положении узников, которым запрещено общаться не только с внешним миром, но и с товарищами по заключению. Как многие мои коллеги, я не могу и не хочу продолжать свою работу, забывая об этом повседневном аде. Как и они, я поддерживаю контакт с теми, кто находится в застенках, с теми, кто унижен. Я пишу для них, потому что пишу на их языке, который всегда будет моим. Я стремлюсь дать им глоток свежего воздуха, помочь освобождению.

И еще: литература наша рождалась и крепла в постоянной смертельной опасности. Военные диктатуры разрушали и продолжают разрушать культуру. Тысячи писателей, художников, музыкантов, журналистов подвергаются репрессиям, изгоняются со своей родины. Но вы знаете... Теперь я уже убежден: в раю литературы не будет вовеки. Я верю: гнев рождает писателя. Особенно гнев в борьбе за свободу, за национальное освобождение. Творчество — это постоянный бунт против несправедливости. Пусть литература лучше умрет, но она не имеет права идти на поводу или сидеть на цепи у власти имущих. Только при таком условии литература полезна обществу.

Беседу вел
Сергей МАРКОВ.
Фото автора.
ГАВАНА — МОСКВА.